

УДК 811
ББК 81.0

Е. С. Гайломазова

**ЧИСЛОВАЯ
КВАНТИФИКАЦИЯ
(КАТЕГОРИЯ
ИТЕРАТИВНОСТИ)**

Статья посвящена категории количества, ее языковой – семантической интерпретации и ее грамматической (морфологической, синтаксической) и деривационной рефлексии в современных языках, которая наряду с категорией аспектуальности относится к типологически релевантным категориям. Категория количества представляется в языке в двух подкатегориях: именной и глагольной множественности. Глагольная плюральность сравнительно недавно привлекла внимание ученых, чем и продиктован наш интерес к этой проблеме.

Ключевые слова: *квантификация, плюральность, грамматикализация, полисубъектность, полиобъектность, процессуальность.*

Гайломазова Елена Сергеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Ростовского института защиты предпринимателя

Тел.: 8-988-515-72-29

E-mail: elena.gailomazova@yandex.ru

©Гайломазова Е. С., 2010.

Дискретное количество в зависимости от специфики квантифицируемых объектов подразделяется на число предметных объектов и кратность процессов, событий, явлений. Глагольная плюральность сравнительно недавно привлекла внимание ученых. В. Дресслер [Dressler, S. 51 – 95], основываясь на соотносительности имени и глагола, установил степень параллелизма разнообразнейших оттенков множественности, выражаемых этими частями речи. После работы В. Дресслера стало очевидно, что оттенки множественности у имени более грамматикализованы, чем у глагола.

Наше сознание способно отграничивать друг от друга сами действия или этапы многократного действия, но единицы, эксплицирующие такую отграниченность, не являются в языке и тексте последовательно функционирующими и обязательными. Это обусловлено прежде всего тем, что границы между различными событиями имеют не пространственный, а временной, т. е. гораздо менее отчетливый, чем у вещественных объектов, характер. Богато развитая морфология славянских языков реализуется в том числе и в разнообразии способов глагольного действия, среди которых выделяется группа количественных. Ср. многократный (типа *хаживать*: *В 1883 году Чехов говорил, что «хаживал» в «Будильник» за трехрублевой раз по десять.* А. Кузичева «Чехов») и однократный способ типа *пальнуть*.

Итеративные глаголы этого типа устарели не только в русском языке. В болгарском языке многократные глаголы типа *бывать*,

хаживать практически полностью утрачены, но глаголы аналогичного морфологического состава стали использоваться (преимущественно в разговорной речи) в качестве простых форм условного наклонения. Многократные глаголы продолжают широко употребляться в чешском языке.

Глаголы германских и романских языков не располагают особыми формами для выражения однократности: смысл 'в один прием' не передается в них морфологически (морфемно): ср. англ. *to shoot, to fire*, нем. *schießen*, франц. *tirer*. Для выражения соответствующего значения используются описательные обороты. Так, в английском языке сформировался устойчивый тип глагольно-субстантивных сочетаний аналитического характера со значением однократного действия (типа *to have /get / give / take a look* 'взглянуть'). Показателем квантитативности глаголов является двухступенчатая формула их толкования, в которой на первой ступени используются аллонимы процессуальности (*to form, to make, to become, to move, to give*), на второй – аллонимы, соотносящиеся с определенными величинами и множествами (*short, small, double, large, group, heap, amount, at great speed, size, faster, much, many*); ср. *to crowd* – 'to come to gether in large numbers'.

В английском языке использование форм продолженного вида направлено на создание эмфазы и выделение процессуальности, континуальности действия:

“And so,” cried John accusingly, “and so you were letting me make love to you and pretending to return it, and talking about marriage, all the time knowing perfectly well that I’d never get out jf here alive... (F. Fitzgerald).

Интересно, что если для двух из глаголов – *to pretend, to talk* продолженный вид является нормой, то глагол *to let* относится к семантическому классу глаголов, для которых продолженный вид не характерен. Однако для создания эмфазы и подчеркнутой передачи продолжительности действия он также использован в форме продолженного вида. Этой же цели служит в этом примере и лексический интенсификатор – *all the time*.

Определенным этапом в изучении глагольной множественности стало обоснование термина «полиситуативность». «Полиситуативность определяется как семантико-функциональная, когнитивно-языковая категория, обусловленная как онтологически, так и гносеологически, поскольку разделение действительности на ситуации зависит от способов концептуализации фрагментов реального мира сознанием человека» [Понкратова, с. 3 – 4]. Семантика глагола может быть полиситуативной и полисобытийной, так как глагол – структурный элемент языка, в семантику которого входят и именные компоненты. По этой же причине глагол может вовлекаться в систему средств, передающих количественную оценку.

Глагольная множественность характеризуется глобальностью, выходом на смысл целого предложения и даже текста.

Анализ поля квантитативности в языках различного типа почти привел к преобладающему мнению о том, что количественные характеристики, охватывающие область глаголов, относятся к периферии данного поля.

Такое мнение определяется тем, что число глагола не столько передает реальную множественность действия, сколько направлено вовне – на характеристику субъектов действия (их множественности или единичности). Особая точка зрения по этому вопросу высказана Л.Д. Чесноковой: категория количества у глагола реализуется на всех уровнях – лексическом, морфологическом и синтаксическом. К средствам морфологического уровня отнесены числовые формы, которые «делают возможным, чтобы глагол, выражающий своей семантикой одно действие, стал выражать несколько (множество) действий» [Чеснокова, 1992, с. 121]. Л.Д. Чеснокова полагает, что «форма множественного числа глагола имеет номинативное количественное значение и обозначает неопределенное множество действий, совершаемых неопределенным множеством производителей действия. Например, в предложении *На счет раз дети присели* глагол формой множественного числа показывает, что несколько человек совершили действие и что действий было несколько, а именно столько, сколько было действующих лиц – детей». Более того, для глагольного значения существенны конкретизаторы в конструкциях: *Он финишировал третьим* – здесь в процесс счета вовлекаются и предметы, и действия, поскольку «порядковые числительные в подобных конструкциях одновременно характеризуют и предмет со стороны порядка по счету, и действие по признаку его очередности» [Чеснокова, 1981, с. 47]. Однако против такой точки зрения высказаны достаточно убедительные аргументы. Так, Е.Я. Титаренко обратила внимания на достаточно многочисленные случаи в русском языке, когда плюральность глагола не передает плюральности обозначаемого им действия: таковы выражения типа *Вы повзрослели* (об одном человеке), формы вежливости типа *Это Вы писали?* Совместное, коллективное, командное действие, которое выполняется многими субъектами сообща, по-русски передается с помощью плюральных форм: *Футболисты забили гол*. Но речь идет об одном голе, забитом командой, а не об одиннадцати голах по числу игроков команды.

Множественное число глагола-сказуемого иногда не указывает даже на множественность субъектов действия, например – при подлежащем *pluralia tantum*: *сани остановились*. Типичное множественное число в русских неопределенно-личных предложениях (когда субъект действия отодвигается на второй план, когда субъект неизвестен и т.д.): *В дверь постучали. Принесли почту*. Эта форма используется даже в тех случаях, когда обозначается действие заведомо одного лица, которое, однако, оказывается несущественным, отодвинутым на второй план в высказывании. Ср. обычную конструкцию: *Вам звонили из редакции. Секретарь*.

Очевидно, что моно- и полисубъектность глагола, передаваемая либо числовой формой глагола (как в русском языке), либо с помощью лексических показателей, как в английском языке, не может быть отнесена к сущностным характеристикам самого действия, обозначенного глагольным словом. Кроме того, различие моно- и полисубъектности не является обязательным: оно может вообще никак не выражаться.

В сфере предикатных единиц количественность сводится к согласовательным и сочетаемым явлениям и ограниченному числу глаголов, выражающих способы действия с количественными характеристиками. Во многих языках, в том числе и в русском, существует два вида глагольной множественности – внешняя согласовательная и внутренняя, несогласовательная. Первая принадлежит грамматике (словоизменительная категория числа), вторая – словообразованию (или в случае высокой регулярности, формообразованию) как деривационная категория полиобъектности (пооткрывать окна, поразбрасывать вещи) или полиакциональности (повысовываться из окон). В.А. Виноградов полагает, что, несмотря на семантическую родственность (если не тождественность) этих количественных категорий и грамматического числа, между ними нет сопряженности, они вполне автономны [Виноградов В.А., с. 52]. Важно, однако, уточнить, что сопряженность (взаимообусловленность) существует между отмеченными (и многими другими) способами глагольного действия и числовыми формами актантов или наименований объектов.

Если многосубъектность, переданная числовой формой глагола, может быть расценена как характеристика внешняя по отношению к самому действию, то в случаях типа *разойтись в разные стороны*, *толпиться* это сущностное свойство, без которого неосуществимо само действие. Ср. также многообъектные глаголы типа *нарвать цветов*, *перестирать все белье*. Для подобных глаголов Р.М. Майером был введен термин *verba pluralia tantum*. Лексическая семантика *verba pluralia tantum* имплицитно подразумевает множественность актантов [Категория количества..., с. 175].

Количественность как внутренний признак действия проявляется в мере действия, в характере его протекания, и различная количественность в таком случае неотделима от качественных характеристик. Значение меры суть значения неинтенсивности, ослабленности (ср. словообразовательные средства в глаголах *вздремнуть*, *всплкнуть*, *приподнять*, *подгнуть*, сочетания со словами *тихо*, *слабо*, *мало*, *немного*) или, напротив, интензивности, передаваемой аффиксами *пере-*, *за-*, *из-*, *на-*, *раз-/рас-*, конфиксами *раз-/рас-* *ся*, *от-ся*. Конечной степенью меры совершаемого действия является его чрезмерность, которая может быть результатом его большой протяженности (*засидеться*) или большой силы, интензивности (*перегреть*, *захвалить*).

К количественности как к внутреннему признаку действия относится выражение в языке способа протекания действия, когда различаются однократные (одноактные) действия, совершаемые в один прием (*крикнуть*, *стукнуть*) и многократные, состоящие из множества однородных актов (*кричать стучать*). Многократное действие может совершаться с временными перерывами, при этом обладает признаком дискретности и сближается в этом смысле с исчисляемыми именами.

Итак, чаще всего под количественностью в сфере глагола имеется в виду не столько синтаксическое собственно число, сколько количественные противопоставления, передаваемые способами глагольного действия. Ср. специальный параграф 2.1 в «Общей морфологии» В.А. Плуныяна, ко-

торый начинается словами: «В составе глагольных словоформ также могут выражаться количественные противопоставления. Мы в данном случае не имеем в виду синтаксическое число (то есть проявление согласования глагола со своими аргументами, когда данная граммема просто отражает субстантивную категорию числа); для проблематики, затронутой в данной главе, представляют интерес граммема или дериватемы, связанные с количественной характеристикой самой ситуации, обозначенной глаголом.» [Плунгян, 2000, с. 283]. Множественность действий в случаях, когда глагол употреблен во множественном числе, часто представляет собой скорее общелогическую импликацию (зависящую от внеязыковых знаний), чем значение, последовательно реализующееся в соответствующих употреблениях. Глубинная категория плюральности находит выражение у глагола не столько в категории числа (поскольку «определение количества действий по числу их субъектов является примером опосредованной, но не прямой квантификации» [Руденко, с. 31]), сколько в грамматической категории вида и лексико-грамматической категории способа глагольного действия.

Способы глагольного действия, помимо собственно квантификации способны передавать прагматические смыслы. Так, глаголы многократного способа действия типа *хаживать* (которые называют «прошедшим обыкновения» – ‘много раз было в прошлом’) не просто утратили в современном языке свою частотность и значимость, но и приобрели прагматические оттенки. В.В. Виноградов отмечал, что в контексте отрицания они передают экспрессивное, эмфатическое отрицание (*не видывал, не слыхивал*) [Виноградов В.В., с. 431]. В утвердительном значении использование подобных форм отмечено оттенком иронии, самоиронии, нарочитой стилизации под эпический стиль: *знавал ее в молодости, хаживал там, пивал чай*. Ср.:

*Помню, **игрывал** я в гостиной на ковре хоросан, глядя на гобелен* «Пастушка» (И.Ильф и Е. Петров «12 стульев»);

Нелегко

впередряг

*с колоколом **игрывать**.*

(Е. Евтушенко «Под кожей статуи Свободы»);

*Вчерашний член партии, инженер. Держатель сахарных талонов, – и мясник у него «схвачен», и авторемонт «завязан», – вдруг вспоминает, что он, собственно, белая кость, что прадеды **сизживали** одесную, что и вообще в нем, знаете, что-то такое особенное...* (Т. Толстая «Bonjour, moujik! Pochiol von!»)

А.Н. Понкратова выявила идиоэтнические различия между представлением дистрибутивной множественности в английском и русском языках. Ср.:

People came to gether from all over the country to attend his funeral (Longman Dictionary Of Contemporary English, 1992) – *на его похороны съехались люди со всей страны.*

Участники ситуации: субъект + локум + инструмент + возможный наблюдатель + цель, где субъект – “people”/ «люди», локум имплицирован в значение глагола, инструмент (орудие) – вид транспорта, на котором осуществлялось передвижение. В русском глаголе «Съехаться» выделен компонент «собраться где-нибудь, приехав из разных мест (о многом, многих)», что подчеркивается толковыми словарями. В результате представители Субъекта на «выходе» из ситуации оказываются более сплоченными, чем представители Субъекта английского фразового глагола “to come to gether”. Участник «инструмент» отличается по количеству видов транспорта, которые он может обозначать.

Для русского глагола «съехаться» «инструмент» не может обозначать такой вид транспорта, как, например, самолет. Фразовый глагол «*to come to gether*» может использоваться во всех случаях практически без ограничений. Английский глагол «*to come*» также предполагает достаточно широкое использование: при нем одушевленный субъект легко может быть заменен на неодушевленный: *Most of books came by post/ by train/ by bus/ by taxi*. На возможность изменения категории одушевленности/неодушевленности в русском языке влияет количество предметов, их характер, вид транспорта и др.

Итак, внеязыковая ситуация может быть общей, а смысловые оттенки, возникающие при ее выражении в различных языках, есть следствие различной концептуализации сознанием окружающего мира. Ср.:

Зыбкая мечта человека умереть в своем доме... Андрей умер там, где он жил, – на сцене. Я вез его по коридору больницы – он лежал спокойный, молодой, красивый, в черном костюме Финаро, а вокруг со скорбным удивлением толпился беспомощный цвет отечественной нейрохирургии. (А. Ширвиндт «Schirwindt, стертый с лица земли»).

Harry dashed around his room, collecting his things together and passing them out of window to Ron (Rowling J.K. “*Harry Potter and the Chamber of Secrets*”). *Гарри забегал по комнате, собирая вещи и передавая Рону в окно.*

Uncle Vernon coughed again (Rowling J.K. “*Harry Potter and the Chamber of Secrets*”) *Дядя Вернон опять кашлянул.*

Глагольные категории в большей мере характеризуют сферу не диктума (как именные категории рода, одушевленности), а модуса, и принадлежат, следовательно, коммуникативно-модальной рамке дискурса. Поэтому категории, особенно глагольные, должны более пристально изучаться не в предложении и тексте, а именно в высказывании и дискурсе как единицах с самодостаточной или связанной коммуникативной значимостью, с реализованным планом модуса. Ср. пример окказиональной синтагматики, когда интенсификатор слишком используется вместо стандартной единицы – наречия, выражающего полноту процессуального признака:

Но музыкальный вечер с исполнением вещей покойного тестя пришлось устроить поневоле: уж слишком молчали газеты, – забвение было полное, тяжелое, безнадежное, – и жена с дрожащей улыбкой повторяла, что это все интриги, интриги, интриги, что и при жизни завидовали дару ее отца,

что теперь хотят замолчать его славу (В. Набоков «Защита Лужина»). В несобственно-прямой речи наречие слишком передает эмоциональную реакцию на ситуацию молчания и негативную оценку.

Как пишет Е.В. Клобуков, есть отличия между именной и глагольной функциональной морфологией и по уровневой специализации обозначаемых явлений внеязыковой действительности или же действительности коммуникативного акта. Именные категории имеют статус актантных или приактантных; глагольные категории (например, вида и времени) реализуют значения более высокого, пропозитивного уровня, они обозначают временные или характерологические параметры развертывания ситуации в целом [Клобуков, с. 37 – 38].

Понятийная категория плюральности, выражаемая не только в именных частях речи (как дискретность пространственного характера), но и в глаголах (дискретность во времени), предопределяет сопряженность именных и глагольных категорий. Внутренняя глагольная плюральность, передающая множественность самого действия, количественную многоактность самого действия, проявляется в системе определенных способов глагольного действия. Таковы различные итеративы с многочисленными разновидностями (ситуация полностью повторяется через определенные промежутки времени), в том числе хабитуалис (регулярно повторяющиеся ситуации, «привычные» действия, становящиеся характеристиками свойств субъекта: *Он собирает марки, Он пишет стихи*), разного рода дистрибутивы, «обозначающие такой тип (неполного) повторения ситуации, при котором происходит последовательный “перебор” единичных представителей определенного актанта:

Все поразъехались кто куда, Листья пооборвало ветром, Он перепробовал все кушанья, Он перечитал все книги в библиотеке» [Плунгян, 2000, с. 295].

Глагольная плюральность, выраженная глаголами длительно-дистрибутивно-взаимного способа действия (итеративное действие, происходящее между несколькими, по крайней мере – двумя субъектами), предполагает плюральность имени: *они переговариваются, перестреливаются, переглядываются* и т.д. Общее лексическое значение таких глаголов исключает употребление при них наименований субъектов в единственном числе (если только это не собирательные имена).

Дистрибутивно-суммарные глаголы, передающие распределенность глагольного действия, охватывающего постепенно объект или исчерпывающего субъект в его целостности или полностью, предполагают форму множественного числа либо объекта, либо субъекта действия (*книжки попадали, столько статей написано*). Все эти глагольные формы выражают вторичное сведение к единству того, что является множественным во внеязыковой действительности (а на первичную множественность указывает эксплицитная множественность обозначений объектов или субъектов действия).

Литература

Виноградов В.А. Сопряженность как вид отношений между языковыми категориями // Язык, история, типология. М., 2000.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.

Категория количества в современных европейских языках / под ред. В.В. Акуленко. Киев, 1990.

Клобуков Е.В. Теоретические основы изучения морфологических категорий русского языка (морфологические категории в системе языка и в дискурсе): дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. М., 1995.

Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.

Плунгян В.А. Предисловие: дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М., 2008.

Понкратова А.Н. Дистрибутивная глагольная множественность в когнитивно-функциональном аспекте (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.

Руденко Д.И. Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры // Вопросы языкознания. 1992. № 6.

Чеснокова Л.Д. Категория количества и синтаксические структуры // Вопросы языкознания. 1981. № 2.

Чеснокова Л.Д. Категория количества и способы ее выражения в современном русском языке. Таганрог, 1992.

Dressler W. Studien zur verbalen Pluralität. Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen. Wien, 1968.